

УДК 81'37:81-116.3

**Деревня в системе художественного пространства
«Записок охотника» И.С. Тургенева**

Моря Лилия Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент,
завкафедрой «Журналистика и славянская филология»,
Севастопольский государственный университет,
299028, Российская Федерация, Севастополь, просп. Гагарина, 13;
e-mail: liliamor79@mail.ru

Аннотация

Цель. Цели статьи – исследовать особенности организации и вербализации модели художественного пространства в «Записках охотника» И.С. Тургенева на примере такого фрагмента модели, как топос деревни, и выявить лексические (лексико-семантические, коннотативные) средства его реализации. **Методология.** В работе были использованы методы лингвостилистического, лингвокультурологического и искусствоведческого анализа. **Результаты.** Лексическим средством выражения художественного пространства является система словоупотреблений в художественном тексте, связанных парадигматически и синтагматически. Художественное пространство организовано как система локусов и топосов, которые универсальны для данного произведения и автора. Основными в работах Тургенева выступают топосы деревни, России и природы. Топос города почти не становится местом сюжетного действия в «Записках охотника», но имеет в тексте свое специфическое значение. Лексемы из лексической парадигмы «город» регулярно получают в произведении негативную коннотацию. Топос города, таким образом, противопоставлен топосу деревни по смыслу, по коннотации и, наконец, по своим функциям. Топос деревни способен характеризовать героя как по социальному положению, так и психологически, в то время как топос города в основном характеризует героя только психологически. **Заключение.** Лексическая парадигма с доминантой «деревня», представляющая топос деревни, получила в произведении значительную разработку. Следует отметить высокую частотность употребления слов данной лексической парадигмы в тексте (особенно по сравнению с парадигмой топоса города).

Через характеристику лексической парадигмы деревни в тексте обрисованы насущные социальные проблемы времени. Кроме того, доминанта парадигмы – лексема «деревня» – получает в произведении комплекс дополнительных смыслов. Благодаря этому, а также высокой частотности слов парадигмы топос деревни становится одним из важнейших в структуре художественного пространства, со значительной идейно-содержательной нагрузкой: писатель показывает, что в деревне сосредоточено основное население современной ему России, ее лучшие силы.

Для цитирования в научных исследованиях

Моря Л.А. Деревня в системе художественного пространства «Записок охотника» И.С. Тургенева // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6B. С. 425-438.

Ключевые слова

Художественное пространство, топос, локус, лексика, лексическая парадигма, лексическое значение, коннотация.

Введение

Среди важнейших категорий текста как речевого произведения выделяют категорию художественного пространства. Понятия пространства и времени относятся к базовым понятиям культуры и основным категориям мировосприятия человека. Основоположником разработки художественного пространства и художественного времени в литературе является М.М. Бахтин, который ввел понятие хронотопа – художественно освоенного в литературе времени-пространства. Художественное пространство изучали также Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, В.Н. Топоров и др.

Ю.М. Лотман понимает художественное пространство как «континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие» [Лотман, 1988, 258], как модель мира данного автора, выраженную на языке пространственных представлений. Для обозначения структурных частей модели художественного пространства вслед за Ю.М. Лотманом мы используем термины «топос» и «локус», понимая под топосом наименование крупного фрагмента пространства, обладающего собственной структурой, структурной членимостью, которая обусловлена внеязыковым членением обозначаемой реалии (топосы деревни, России и т. д.). Под локусом мы будем понимать фрагмент пространства, который способен выступать составной частью топоса (локусы дома, сада и т. д.).

Исследование модели художественного пространства производится на материале цикла И.С. Тургенева «Записки охотника». К тем или иным особенностям художественного пространства у Тургенева автор обращался ранее [Моря, Дом в системе..., 2016; Моря, Дом и гнездо..., 2016; Моря, Модель художественного пространства..., 2016].

Топос деревни в художественном пространстве «Записок охотника» И.С. Тургенева

Модель художественного пространства в «Записках охотника» строится на противопоставлении пространства природного (лес, степь, поле, сад) и бытового (дом, усадьба, деревня, город). Бытовое пространство, развертываемое вокруг человека с учетом социально-экономических факторов, подразделяется на топосы города и деревни. Статус топосов в структуре художественного пространства они получают потому, что обладают смысловой членимостью, основанной на внеязыковой действительности: деревня – совокупность крестьянских дворов, город – совокупность улиц, зданий. В отличие от локуса дома, они не только называют место жительства человека (причем более широко, чем дом), но и в языковом значении слов данных лексических парадигм заложена информация о социально-экономических условиях жизни человека, роде его занятий.

Слова лексической группы со значением «деревня» объединяет общая сема «крестьянское селение». Лексическая группа включает две микрогруппы: 1) микрогруппу нарицательных наименований: *село* («большое крестьянское селение» [Словарь современного русского литературного языка, 1961, т. 13, 603]), *деревня* («небольшое сельское поселение» [Там же, 1954, т. 3, 711]), *хутор* («небольшое селение» [Там же, 1965, т. 17, 528]) и их деривационные варианты *сельцо*, *деревушка*, *деревенька*, *хуторок*, а также *выселки* («селение, возникшее в результате переселения жителей из другой местности» [Там же, 1951, т. 2, 1215]); 2) микрогруппу топонимов, соотносимых с нарицательными именами данной группы: *Бессоново*, *Колотовка*, *Льгов*, *Юдины выселки*, *Шумихино* и др.

В цикле «Записки охотника» топос деревни имеет остросоциальное значение, так как с его помощью показана жизнь обитателей деревни – крестьян, что очень важно для содержания произведения.

«Деревня, в которой мы оказались, была заглазная, глухая; все ее обитатели казались голышами; мы с трудом отыскивали одну – не то что белую, мало-мальски просторную избу» [Тургенев, 1979, 308]. Описание деревни создано с помощью разнообразных лексических средств: качественных определений *заглазная*, *глухая*; оценочно окрашенного слова *голыш*;

лексики, называющей реалии деревенского быта, – *белая изба*.

Слово *глухая* выступает в контексте в значении «отдаленная от культурных центров, захолустная, окраинная» [Словарь современного русского литературного языка, 1954, т. 3, 149], примерно это же значение имеет слово *заглазная*, которое из прямого значения «сделанный в отсутствие лица, которого это касается» [Там же, 1955, т. 4, 343] развивает переносное значение «отдаленная, заброшенная». Лексема *голыш*, имеющая помимо стилистической разговорной окраски экспрессивно-образную, поскольку сохраняет яркую внутреннюю форму, и оценочную негативную, в коннотативно более «сдержанном», нейтральном лексическом окружении становится эмоциональным стержнем, фокусом высказывания. Реализуя значение «бедняк, нищий» [Даль, 1999, 182], слово *голыш* передает определениям *глухая* и *заглазная* сему «бедный». Из контекста следует, что деревня бедна именно потому, что помещику, возможно в силу ее удаленности, недосуг заниматься ею, рачительно управлять хозяйством. Фразеологическое сочетание *белая изба* означает избу, «в которой печь с трубой и потому нет копоти» [Там же, 290]. Из текста следует, что в деревне не было белых изб, только черные, «где трубы нет, а дым валит из печи в комнату» [Там же, 47]. Белая изба ассоциативно указывает на достаток, зажиточность, а черная изба – на бедность. Таким образом, значения указанных слов в лексическом окружении слова *деревня* сведены в единое смысловое поле и наращивают в значении топоса семантический компонент «бедная, неимущая».

«Юдины выселки состояли из шести маленьких низеньких избушек, уже успевших скривиться на бок, хотя их... поставили недавно...» [Тургенев, 1979, 113]. Описание поселения производится за счет описания домов (изб), поскольку локус дома входит в топос деревни. Определения *низенькие*, *маленькие*, а также слово *избушка* с уменьшительным суффиксом имеют общую сему «малый размер». Ассоциативно же малый размер дома связан с малым достатком владельца. Глагол *скривиться* (об избушке) в контексте реализует потенциальную сему «разрушаться» и иррадирует в лексему *избушка* сему «находиться в негодном, плохом состоянии». Таким образом, и в этом контексте Тургенев, даже не употребляя слов с узуальной семой «бедный», тем не менее указывает через лексическое окружение лексемы *выселки* на имущественное положение этого селения.

Для Тургенева характерен прием, когда выразительные детали наглядно иллюстрируют авторскую мысль. Но иногда автор выражает свое мнение прямо и непосредственно. «*Не слишком весело... очутиться в помещицьем сильно разоренном сельце...*» [Там же, 168]. Определение *разоренное* прямо называет состояние деревни (разориться – «приходить в упадок, лишаться достатка, богатства» [Словарь современного русского литературного языка, 1961,

т. 12, 474]). Здесь сема «бедный, неимущий» осложнена каузальной семой – семой причины: грамматическое значение страдательного причастия *разоренное* указывает на действие субъекта над объектом, где субъект разорения – помещик – косвенно обозначен через определение *помещичий*. Авторское отношение к изображаемому вербализуется в оценочно-эмоциональном сочетании *не слишком весело*, несущем негативную оценку и эмоциональную окраску негодования, горечи. Автор выражает свое отношение довольно сдержанно, но это свойственно Тургеневу.

Разрозненные описания отдельных деревень складываются в одну картину. Стремление к обобщению проявляется в изображении региональных типов деревень. «*Орловская деревня обыкновенно расположена среди распаханых полей, близ оврага, кое-где превращенного в грязный пруд. Кроме... двух-трех тощих берез деревца за версту кругом не увидишь; изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой*» [Тургенев, 1979, 27]. «*Калужская деревня, напротив, большею частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямей, крыты тесом*» [Там же]. Лексема *деревня* употреблена здесь в единственном числе метонимически, то есть в значении множественного, на что указывают слова и выражения со значением «как правило, в большинстве случаев»: *обыкновенно, большею частью*. Деревни Орловской и Калужской областей различаются не только природными условиями, но и материальным положением жителей. Топос деревни характеризуется через локус дома, представленный лексемой *изба*, а также через названия реалий деревенского быта (*солома, тес*). Маркером материального состояния деревни выступает лексика со значением материала для крыши: *солома* («стебли хлебных злаков, остающиеся после обмолота» [Словарь современного русского литературного языка, 1962, т. 14, 232]) с периферийной семой «дешевый материал» и потенциальной семой «бедный, неимущий» и *тес* («тонкие доски» [Там же, 1962, т. 15, 381]) с периферийной семой «более прочный и дорогой материал», реализуемой в противопоставлении, и потенциальной семой «зажиточный».

Противопоставление двух типов русских деревень строится в том числе за счет распределения в лексическом наполнении контекста эпитетов с положительной и отрицательной коннотацией. Так, в лексическом сопровождении орловской деревни все определения несут отрицательную оценку: *грязный, тощий, гнилой*. А в лексическом окружении калужской деревни встречаем слова *вольней* и *прямей*, приобретающие в контексте положительную оценку.

Этнографическое описание орловской и калужской деревни содержит информацию как о ландшафте местности, так и о специфике и формах социальной жизни крестьянства. Важно, что

фрагмент с описанием орловской и калужской деревень помещен в самом начале «Записок охотника», то есть в сильной позиции текста, а значит, задает тон в восприятии образа деревни во всем произведении. В структуре художественного пространства ярче всего тема крепостничества раскрывается в топосе деревни. Благодаря сопровождающей лексике, называющей характерные реалии крестьянского сельскохозяйственного быта, оценочно и эмоционально окрашенным определениям, топос становится регулярным выразителем такого текстового смысла, как «бедственное положение крестьян в России».

В «Записках охотника» топос деревни имеет не только заостренно социальное значение. Сама лексема *деревня*, кроме прямого значения «крестьянское селение», имеет и номинативно-производное – «сельская, деревенская местность» [Там же, 1954, т. 3, 711], а в тексте у нее появляются и другие значения, и оттенки.

«...От долгого ли житья в деревне... у ней на дне души таилась рана...» [Тургенев, 1979, 249]. Благодаря слову с отвлеченным значением *житье* («нахождение, пребывание где-нибудь» [Словарь современного русского литературного языка, 1955, т. 4, 175]) с семой «где-нибудь», предполагающей сочетание слова с пространственным наименованием, лексема *деревня* реализует здесь значение «сельская местность вообще».

«Невозможно ей не удивляться... женщина круглый год живет в деревне, в глуши – и не сплетничает, не пищит, не приседает...» [Тургенев, 1979, 179]. В данном контексте деревня выступает не как название конкретного поселения и даже не как «сельская местность вообще», а как совокупность специфических культурно-бытовых условий. Это значение поддержано словом *глушь*, которое является здесь контекстуальным синонимом деревни («место, оторванное от культурных центров» [Словарь современного русского литературного языка, 1954, т. 3, 159]). При этом группа глаголов со значением поведенческой характеристики (*сплетничать, пищать, приседать*) актуализирует в слове *деревня* еще один смысловой аспект: деревня как образ жизни, который диктует человеку поведение, формирует взгляд на мир.

«В деревне плохо тебе пришлось; в деревне тебе некого было благоговейно выслушивать, некому удивляться» [Тургенев, 1979, 195]. Здесь слово *деревня* приобретает значение круга общения человека, характеризует интеллектуальный, образовательный уровень ее обитателей через глаголы со значением речевого и эмоционального контакта (*выслушивать, удивляться*).

«Безденежье меня приковывало к ненавистной мне деревне: ни хозяйство, ни служба, ни литература – ничто ко мне не пристало...» [Там же, 251]. Ряд слов с разноплановой семантикой: *хозяйство* («работы по дому, по устройству быта» [Словарь современного русского литературного языка, 1965, т. 17, 323]), *служба* («работа, занятие служащего» [Там же, 1961,

т. 13, 1270]), *литература* («словесное искусство» [Там же, 1957, т. 6, 262]) – объединены общей семей «род занятий, вид деятельности». Под их влиянием у лексемы *деревня* развивается оттенок значения «образ жизни, совокупность занятий». Таким образом, в «Записках охотника» слово *деревня* – и соответствующий топос – получает комплекс новых значений и оттенков.

Особое место в ряду пространственных наименований занимает группа топонимов – географических названий сел и деревень. Частично они выполняют те же функции, что и их нарицательные корреляты, то есть участвуют в изображении социальной жизни России, а точнее жизни крестьянства. Но топонимы обладают в художественном тексте и собственным, особым значением.

Большинство топонимов в «Записках охотника» являются реальными. «Пространственный мир книги, – отмечает Ю.В. Лебедев, – обладает документальной точностью в пределах одного очерка» [Лебедев, 1977, 31]. В рассказе «Живые мощи» упоминается село Спасское, принадлежащее матери автора-рассказчика, – это Спасское-Лутовиново, принадлежавшее В.П. Тургеневой, матери писателя. В рассказе «Льгов» Тургенев сохранил подлинное название села. Колотовка – место действия рассказа «Певцы» – и Бежин луг в рассказе «Бежин луг» – это все сохранившиеся до нашего времени названия реальных поселений Орловской области. С помощью этих топонимов писатель создает достоверное, убедительное описание тульско-орловских мест. Совокупность этих наименований способствует расширению пространства, разворачивает пространственную перспективу по горизонтали.

И все же в «Записках охотника» нет топографически буквального, абсолютно точного описания местности, и среди реальных названий есть и вымышленные. Как правило, они обладают яркой внутренней формой, то есть смысловой связью с производящей основой, и являются «говорящими».

Так, например, говоря о достоинствах и недостатках охотничьего промысла в рассказе «Лебедянь», Тургенев к слову упоминает некую *Мордовку*. Слово, очевидно, образовано от глагола *мордовать* со значением «бить, мучить, истязать» [Словарь современного русского литературного языка, 1957, т. 6, 1258], «изнурять» [Даль, 1999, 392]: значение топонима явно указывает на ужасы крепостного права, тем более что рассказ «Лебедянь» следует сразу за подборкой: «Бурмистр», «Контора», «Бирюк», «Два помещика», в которых антикрепостнический посыл произведения обозначен совершенно явно.

В этом же рассказе упомянуто «*сильно разоренное сельцо Худобубново*» [Тургенев, 1979, 168]. В топониме можно выделить два корня: *худой* – слово, все значения которого несут отрицательную оценку:

- 1) «плохой, скверный» [Словарь современного русского литературного языка, 1965, т. 17, 517]; «негодный, дурной» [Даль, 1999, 701];
- 2) «ветхий, поломанный» [Словарь современного русского литературного языка, 1965, т. 17, 518]; «изношенный... дырявый» [Даль, 1999, 701];
- 3) «бедный, неимущий» [Словарь современного русского литературного языка, 1965, т. 17, 518]; «худоба – ...бедность, голь, нищета» [Даль, 1999, 701].

Бубен – «голыш», «нищий», человек, все промотавший [Там же, 86]. Эти значения в топониме поддержаны контекстом – определением *разоренный* («лишенный достатка, бедный»). Таким образом, оба указанных топонима «работают» в том же смысловом направлении, что и вся лексическая парадигма деревни.

«...[Чертопханов-отец] оставил единственному своему наследнику, Пантелю, заложенное село Бессоново... да 14 десятин... земли в пустоши Колобродовой...» [Тургенев, 1979, 256]. Оба топонима: *Бессоново* (ср. *бессонный* как синоним слова *беспокойный*) и *Колобродова* [пустошь] (от глагола *колобродить* – «бесцельно ходить, блуждать; вести себя суетливо, шумно» [Словарь современного русского литературного языка, 1956, т. 5, 1169]; «шататься без дела; бродить беспокойно» [Даль, 1999, 331]) – по смыслу соотносятся с авторской характеристикой Чертопханова: «*взбалмошный и горячий*», «*гордец и забияка*» [Тургенев, 1979, 258].

Использование вымышленных топонимов тем показательнее, что Тургенев – реалист, а не представитель натуральной школы, для писателя важно не буквальное следование за фактом и наблюдением, не полное и детально подробное соответствие действительности, а художественно правдивое изображение картины жизни. В целом о топонимике в «Записках охотника» можно сказать, что «Тургенев сознательно не дает читателю ясные пространственные ориентиры. В итоге рождается живописно конкретизированный и в то же время максимально обобщенный образ художественного пространства. За тульско-орловской географией прозревается география всей России» [Лебедев, 1977, 31].

Для более полного описания топоса деревни в «Записках охотника» следует рассмотреть топос города, противопоставленный топосу деревни по смыслу и оценочно. Топос города не получил в произведении такой глубокой разработки, как топос деревни. Лексическая парадигма, представляющая топос, не отмечается особой дифференцированностью: возглавляет группу нарицательное наименование *город*, отдельную микрогруппу составляют топонимы *Москва*, *Петербург*, *Тула*, *Орел*, *Курск* и некоторые другие. В «Записках охотника» функции данной парадигмы как топоса не столь значительны, однако присутствие героя в пространстве города в произведении показательно.

«[Чертопханов] *явился на квартиру Яффа, который, как истый светский человек... поселился в уездном городе, поближе к барышням, как он выражался*» [Тургенев, 1979, 271]. Определение *истый* («настоящий, какой должен быть» [Словарь современного русского литературного языка, 1956, т. 5, 566]) вступает в определенное семантическое противоречие с контекстом: слово *светский* ассоциативно подразумевает пребывание в столице или губернском городе, а слово *уездный* имеет потенциальную сему «провинциальный». В результате лексема *истый* приобретает ироничный оттенок и переносное значение «выдающий себя за кого-либо, старающийся казаться кем-либо». В контексте эмоциональная окраска иронии переходит и на лексему *город*. Герой и его пространство здесь взаимно характеризуют друг друга.

В «Чертопханове и Недопюскине» Недопюскин получает по завещанию взбалмошного барина деревеньку. «...*Никто* [из других наследников] *о ней* [деревне] *не сожалеет сильно... Один только наследник из Петербурга... Штоппель, не вытерпел, пододвинулся боком к Недопюскину и надменно глянул на него через плечо*» [Тургенев, 1979, 260]. Качественное наречие *надменно* («высокомерно, заносчиво» [Словарь современного русского литературного языка, 1958, т. 7, 158]) распространяет свои семы на глаголы со значением поведения *пододвинуться, глянуть*, а их обстоятельственные конкретизаторы *боком, через плечо* приобретают в контексте значение «выражая спесь, презрительно». Следовательно, лексика, характеризующая поведение персонажа, носит отрицательную окраску, а поскольку подчеркнута, что Штоппель – из Петербурга, то и топоним в таком лексическом окружении принимает негативную оценку.

«*В одно прекрасное утро родилась на мой счет сплетня (кто ее произвел на свет Божий, не знаю: должно быть, какая-нибудь старая дева... таких старых дев в Москве пропасть) ...*» [Тургенев, 1979, 246]. Фразеологическое сочетание *старая дева* («пожилая женщина, не бывшая замужем» [Словарь современного русского литературного языка, 1954, т. 3, 628]) имеет оценочную окраску неодобрительности, которая усилена словом *сплетня* («слух... основанный на неточных или... неверных сведениях» [Там же, 1962, т. 14, 540]) с семой «нечто предосудительное», имеющим также негативную оценочную коннотацию. Лексика со значением неодобрения называет обитателей Москвы и передает значению топонима негативную оценку.

«[Каратаев]: *А я в Москву еду служить... Я не знаю, что там в столице хорошего. Посмотрим, может быть, оно и хорошо... А уж лучшие деревни, кажется, и быть ничего не может*» [Тургенев, 1979, 215]. В контексте возникает семантическое противопоставление: *Москва* («столица, центр») – *деревня* («провинция, глушь»), причем лексема *деревня* коннотирована положительно под влиянием общеоценочного слова *хорошо* (в форме

сравнительной степени *лучше*, грамматическое значение которой усиливает признак). В результате же противопоставления лексемы *Москва, столица* приобретают оттенок неодобрения.

В «Записках охотника» упоминаются и другие города России. «[Судьба] *мыкала им [Недопюскиным] по всей России, из Великого Устюга в Царевококшайск...*» [Там же, 259]. «*Лет пять тому назад, осенью, на дороге из Москвы в Тулу...*» [Там же, 213]. «[Касьян]: *А то за Курском пойдут степи... Ведь я мало ли куда ходил! И в Ромен ходил, и в Симбирск – славный град, и в самую Москву...*» [Там же, 121]. Обычно топонимы даются в одном ряду и выполняют функцию расширения пространства, рисуя образ простора России.

В целом топоним города почти не становится местом сюжетного действия в «Записках охотника», но имеет в тексте свое специфическое значение. Лексемы из лексической парадигмы «город» регулярно получают в произведении негативную коннотацию, так как «неоднократное повторение [слова] в соседстве с эмоционально-оценочными словами приписывает ему соответствующую контекстуальную оценочность» [Кухаренко, 1988, 35]. Топоним города, таким образом, противопоставлен топониму деревни по смыслу, по коннотации и, наконец, по своим функциям.

Топоним деревни способен характеризовать героя как по социальному положению, так и психологически, в то время как топоним города в основном характеризует героя только психологически: через сопровождающую лексику, называющую поведение героя и описывающую его качества, свойства.

Заключение

Лексическая парадигма с доминантой *деревня*, представляющая топоним деревни, получила в произведении значительную разработку. Следует отметить высокую частотность употребления слов данной лексической парадигмы в тексте (особенно по сравнению с парадигмой топонима города). Через характеристику лексической парадигмы деревни в тексте обрисованы насущные социальные проблемы времени. Кроме того, доминанта парадигмы – лексема *деревня* – получает в произведении комплекс дополнительных смыслов. Благодаря этому, а также высокой частотности слов парадигмы топоним деревни становится одним из важнейших в структуре художественного пространства, со значительной идейно-содержательной нагрузкой: писатель показывает, что в деревне сосредоточено основное население современной ему России, ее лучшие силы, так как лучшие, любимые его герои органично связаны именно с деревней: Хорь и Калинич, Овсянников, Каратаев, Лукерья из «Живых мощей», дети из «Бежина луга» и др.

Библиография

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 736 с.
2. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
3. Лебедев Ю.В. «Записки охотника» И.С. Тургенева. М.: Просвещение, 1977. 78 с.
4. Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251-265.
5. Моря Л.А. Дом в системе художественного пространства в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Норец М.В. (ред.) Художественный дискурс: филологический анализ текста. Севастополь: Рибест, 2016. С. 127-149.
6. Моря Л.А. Дом и гнездо в смысловом пространстве романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Гуманитарно-педагогическое образование. 2016. Т. 2. № 2. С. 22-29.
7. Моря Л.А. Модель художественного пространства и национальный характер в рассказе И.С. Тургенева «Живые мощи» // Традиции и инновации в изучении и преподавании филологических дисциплин в вузе и школе. М.: МИРАКЛЬ, 2016. С. 361-373.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: АН СССР, 1948-1965. 8160 с.
9. Тургенев И.С. Записки охотника. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1979. 607 с.
10. Chamberlin V.A., Weiner J. Galdys' *Doca Perfecta* and Turgenev's *Fathers and Sons*: two interpretations of the conflict between generations // Publications of the Modern Language Association of America. 1971. Vol. 86. No. 1. P. 19-24. doi: 10.2307/460997
11. Masing-Delic I. Philosophy, myth, and art in Turgenev's *Notes of a Hunter* // The Russian review. 1991. Vol. 50. No. 4. P. 437-450. doi: 10.2307/131014
12. O'Bell L. The pastoral in Turgenev's "Singers": classical themes and romantic variations // The Russian review. 2004. Vol. 63. No. 2. P. 277-295. doi: 10.1111/j.1467-9434.2004.00317.x
13. Parthé K. Images of rural transformation in Russian village prose // Studies in comparative communism. 1990. Vol. 23. No. 2. P. 161-175.
14. Peterson D.E. The origin and end of Turgenev's *Sportsman's Notebook*: the poetics and politics of a precarious balance // Russian literature. 1984. Vol. 16. No. 4. P. 347-358. doi: 10.1016/0304-3479(84)90030-9

The village in the artistic space of I.S. Turgenev's *Notes of a Hunter*

Liliya A. Morya

PhD in Philology, Docent,
Head of the Department of journalism and Slavic philology,
Sevastopol State University,
299028, 13 Gagarina av., Sevastopol, Russian Federation;
e-mail: liliamor79@mail.ru

Abstract

Objective. The article aims to reveal the features of the organisation and verbalisation of the model of the artistic space in I.S. Turgenev's *Notes of a Hunter*, using such a fragment of the model as the topos of the village as an example, and to identify lexical (lexico-semantic, connotative) means of its realisation. **Methodology.** The author uses such methods as linguostylistic, linguoculturological and art historical analysis. **Results.** Major topoi in I.S. Turgenev's works are those of the village, Russia and nature. The topos of the city almost never becomes the scene in I.S. Turgenev's *Notes of a Hunter*. Lexemes from the lexical paradigm "city" regularly take on a negative connotation. The topos of the city, therefore, is opposed to that of the village in its meaning, connotation and, finally, functions. The topos of the village is able to characterise a hero's social position and psychological state, while that of the city mainly characterises him/her only from a psychological perspective. **Conclusion.** The author of the article points out that the most pressing social problems of that time are outlined through the characterisation of the lexical paradigm of the village. As the dominant in the paradigm – the lexeme "village" – takes on additional meanings, which, along with frequent use of the words from this paradigm, makes the topos of the village one of the most important topoi in the structure of artistic space.

For citation

Morya L.A. (2016) Derevnja v sisteme khudozhestvennogo prostranstva "Zapisok okhotnika" I.S. Turgeneva [The village in the artistic space of I.S. Turgenev's *Notes of a Hunter*]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6 (6B), pp. 425-438.

Keywords

Artistic space, topos, locus, vocabulary, lexical paradigm, lexical meaning, connotation.

References

1. Chamberlin V.A., Weiner J. (1971) Galdys' *Doca Perfecta* and Turgenev's *Fathers and Sons*: two interpretations of the conflict between generations. *Publications of the Modern Language Association of America*, 86 (1), pp. 19-24. doi: 10.2307/460997
2. Dal' V.I. (1999) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: sovremennaya versiya* [Explanatory dictionary of the Russian language: a modern version]. Moscow: EKSMO-Press Publ.
3. Kukharenko V.A. (1988) *Interpretatsiya teksta* [Text interpretation]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
4. Lebedev Yu.V. (1977) "*Zapiski okhotnika*" I.S. Turgeneva [I.S. Turgenev's *Notes of a Hunter*]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
5. Lotman Yu.M. (1988) Problema khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya [The problem of artistic space in Gogol's prose]. In: *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'* [In the school of poetic words: Pushkin, Lermontov, Gogol]. Moscow: Prosveshchenie Publ., pp. 251-265.
6. Masing-Delic I. (1991) Philosophy, myth, and art in Turgenev's *Notes of a Hunter*. *The Russian review*, 50 (4), pp. 437-450. doi: 10.2307/131014
7. Morya L.A. (2016) Dom i gnezdo v smyslovom prostranstve romana I.S. Turgeneva "Dvoryanskoe gnezdo" [Home and nest in the semantic space of I.S. Turgenev's novel *A Nest of the Gentlefolk*]. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie* [Liberal arts and pedagogical education], 2 (2), pp. 22-29.
8. Morya L.A. (2016) Dom v sisteme khudozhestvennogo prostranstva v romane I.S. Turgeneva "Dvoryanskoe gnezdo" [Home in the artistic space of I.S. Turgenev's novel *A Nest of the Gentlefolk*]. In: Norets M.V. (ed.) *Khudozhestvennyi diskurs: filologicheskii analiz teksta* [Literary discourse: a philological text analysis]. Sevastopol: Ribest Publ., pp. 127-149.
9. Morya L.A. (2016) Model' khudozhestvennogo prostranstva i natsional'nyi kharakter v rasskaze I.S. Turgeneva "Zhivye moshchi" [The model of artistic space and national character in I.S. Turgenev's story *A Living Relic*]. In: *Traditsii i innovatsii v izuchenii i prepodavanii filologicheskikh distsiplin v vuze i shkole* [Tradition and innovation in learning and teaching philological disciplines in higher education institutions and schools]. Moscow: MIRAKL" Publ., pp. 361-373.
10. O'Bell L. (2004) The pastoral in Turgenev's "Singers": classical themes and romantic variations. *The Russian review*, 63 (2), pp. 277-295. doi: 10.1111/j.1467-9434.2004.00317.x
11. Parthé K. (1990) Images of rural transformation in Russian village prose. *Studies in comparative*

communism, 23 (2), pp. 161-175.

12. Peterson D.E. (1984) The origin and end of Turgenev's *Sportsman's Notebook*: the poetics and politics of a precarious balance. *Russian literature*, 16 (4), pp. 347-358. doi: 10.1016/0304-3479(84)90030-9
13. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols.] (1948-1965). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR.
14. Turgenev I.S. (1979) *Zapiski okhotnika. Povesti i rasskazy* [Notes of a Hunter. Novellas and stories]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.